

В ПОИСКАХ МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОМЕРНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Е. В. Титова

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск

Нормами конституционного права многие социально и политически значимые процессы урегулированы с вполне объяснимой детальностью и процедурной точностью. Однако по причине социально-политических особенностей упорядочивание общественных отношений, в ходе которых проявляется конституционно-правовое поведение, носит либо общерегулятивный характер, либо характер «конституционно-правовых состояний». Это влечет неочевидность квалификации правоповеденческих актов субъектов конституционно-правовых отношений как правомерных или не правомерных. В этой связи актуальна проблема методологического построения теоретических конструкций правомерного поведения в конституционном праве. Роль такого типа правового поведения в реализации норм Конституции России значима, поскольку именно правомерное поведение выступает в данном случае содержательной характеристикой фактической Конституции страны.

В статье предлагается методологическая основа, на которой базируется исследование конституционного поведения, включающая общенаучные и частнонаучные методы познания, интеграцию методологии социальных и гуманитарных наук. Интегративная методология позволяет рассматривать конституционно-правомерное поведение в качестве элемента сложных, изменяющихся и развивающихся систем – общества и государства. Эти системы объединяют изменяющиеся во времени, не просто различные, а иногда и противоположные по содержанию и направленности интересы, целей, материальных ресурсов, уровням развития правосознания, людские общности. Особую актуальность имеет исследование вопросов методологии с позиции конституционного права, поскольку это обусловлено как особенностями предмета конституционно-правового регулирования, так и методологической функцией самих конституционно-правовых норм.

Ключевые слова: *методология конституционно-правовых исследований, правомерное поведение, конституционно-правовое регулирование, конституционная телология, российский конституционализм, естественное право, позитивизм, юридическая антропология, юридическая герменевтика, правовая феноменология.*

Тема, которая рассматривается в представленном исследовании, связана с генезисом методов познания действительности в юриспруденции. «Крушение» марксистско-ленинской методологии, по образному высказыванию В. В. Лазарева, вызвало своего рода «растерянность ученых» в вопросах методов юридического познания. Для науки конституционного права такая «растерянность» еще связана с затянувшимся переходом от государственно-позитивистских правовых позиций к методологически новому освоению конституционных смыслов.

Предметом рассуждений является правовое поведение, соответствующее Конституции государства, которое поименовано как «конституционно-правомерное поведение». Правомерное поведение одновременно отно-

сится к необходимым инструментальным компонентам многих основополагающих категорий как современного правопорядка, так и конституционно-правовой доктрины. Особенностью данного вида юридически значимого поведения является его сложная правовая природа, на которую влияют позитивистский характер норм конституционного права (формализованных правил поведения) и политическая сфера, в которой указанный тип правового поведения преимущественно осуществляется.

Методология науки связывается с определенными и сменяемыми парадигмами познания, в рамках которых создавались определенные наборы принципов, подходов и приемов познания, частично воспринимаемые, частично отклоняемые последующими

парадигмами [23, с. 3]. К парадигмам, обосновывающим философские основания методологии юридической науки, в том числе науки конституционного права, относятся следующие исторические типы рациональности: классический, неклассический, постнеклассический [21, с. 508–516]. В контексте каждого из этих подходов понимание конституционно-правомерного поведения будет иметь свои различия.

Конституционно-правомерное поведение с позиции классического типа рациональности.

Классический тип рациональности связан с разрозненным восприятием образа мироздания и механистическим подходом к пониманию физических, биологических и социальных систем, включая понимание права. К классическому типу рациональности традиционно относят позитивизм, естественно-правовой подход (юснатурализм) и социологическую школу права. Позитивистская и естественно-правовая школы правопонимания исходят из различных трактовок «рационального права» и того, что расценивается как правомерное. Несмотря на то, что две указанные теории противоречат друг другу онтологически, расходясь на уровне трактовки источника права, методологически они выступают как две детерминистские метасистемы, претендующие на всеобъемлющее объяснение права.

Специфической особенностью юснатуралистического подхода к изучению правового поведения как непосредственно связанного с человеком, обществом и правовой культурой является базирующийся на концепциях детерминизма и индетерминизма аспект соотношения свободы, допускающей возможность усмотрения и необходимости. От определения соотношения между свободой и необходимостью зависят как сама возможность усмотрения, так и установление пределов усмотрения при осуществлении права, а также степень допустимого вмешательства в его сферу со стороны третьих лиц, что в полной мере относится и к области конституционно-правового регулирования.

История спора этих двух направлений показывает: свобода воли возможна только на базе индетерминизма, но при учете некоторого воздействия внешних факторов, то есть путем синтеза обоих подходов. Один из осно-

вателей современной либеральной политической философии И. Берлин писал, что положительные права – это право иметь, право действовать, а отрицательные права – право запрещать; негативная свобода – это свобода от вмешательства. Значение свободы в негативном смысле «подразумевается в ответе на вопрос: «Какова та область, в рамках которой субъекту – будь то человек или группа людей – разрешено или должно быть разрешено делать то, что он способен делать, или быть тем, кем он способен быть, не подвергаясь вмешательству со стороны других людей?» [30].

В классической парадигме научной рациональности важная роль отводится различным направлениям позитивизма с использованием бихевиористских моделей человека. Спектр подходов для моделирования субъекта в этой парадигме достаточно обширен: функциональный, функционально-структурный, аксиоматический, информационный, исследования операций и теории моделирования (в частности, классическая теория игр) и др. Так, функциональный метод и деятельностный подход открыли новые возможности в исследовании таких феноменов, как сущность государства, демократия, гражданское общество, государственный суверенитет и др. Аксиоматический подход в конституционно-правовых исследованиях нашел свое применение в работах, посвященных теории правовых рисков, включая риски конституционные [6]. С 80-х гг. прошлого столетия из-под пера ученых правоведов выходят работы, посвященные использованию моделирования в праве и политологии.

В периоды общественных трансформаций действие конституции проявляется как в регулятивных, так и в конструктивных функциях. Конституция России одновременно выступает результатом предшествующего развития и моделью политического, социального и экономического устройства государства [7]. В этой связи свойство «конституционно-правовое» по отношению к поведению субъектов отношений включает в себя несколько смыслов, в том числе возможное (желаемое) поведение, которое станет результатом прогнозного моделирования Конституции. Такое правовое поведение может находиться как в пределах правового регулирования, так и выходить за его искусственные рамки. Сама же Конституция выполняет роль словесной (зна-

ковой) формы системы знаний о возможном поведении субъектов права, изменяющемся в результате ее правового воздействия [19].

Для классического типа рациональности характерны фокус внимания на объекте и исключение всего того, что относится к субъекту, средствам и операциям его деятельности, а значит, и к его поведенческим реакциям.

Особое значение для исследования человеческого поведения в общественно-политической сфере имеют выделенные М. Вебером подвиды классической рациональности – целевая и ценностная. В дальнейшем Ю. Хабермасом была предложена «коммуникативная рациональность», ставшая теорией познания и теорией действия. Использование некоторых методологических правил рассматриваемых аспектов рациональности делает их применимыми к формам и способам конституционно-правового поведения, оправдывает включение в объект научного исследования целевых и ценностных установок граждан, критериев допустимости средств и характеристик результатов правоповеденческих актов.

Конституционная телеология как наука о целях и задачах конституционного регулирования и развития общества и государства связана с важнейшими областями конституционной юриспруденции [10], а использование достижений этого научного направления в совокупности с системно-деятельностным подходом прокладывает путь к изучению личностного начала в конституционно-правовом регулировании. Господство нормативизма в научном правосознании привело к тому, что субъект права на протяжении длительного времени воспринимается российскими правоведами исключительно в качестве элемента состава правоотношения [1, с. 10]. Несмотря на то, что правовое регулирование деятельности субъекта права подчинено влиянию множества внутренних регуляторов (потребностей, мотивов, установок, ценностей и т.п.), в большинстве случаев за рамками научного внимания остаются поведенческие компоненты этого процесса: сознание, воля и целеполагание субъекта правовой деятельности. Применение системно-деятельностного подхода в познании регулирующего воздействия конституционных норм открывает доступ к иным граням сферы правовой действительности, в которой юридическая наука традиционно ограничивается изучением лишь одной

составляющей праворегулятивной деятельности – механизма правового регулирования.

Для классической правовой традиции характерен юридико-методологический прием сведения человека и его проявлений лишь к тому, что задано нормой. Полагаем, что конституционное постулирование человека, его прав и свобод как высшей ценности дает основание для включения антропного элемента в конституционно-правовое регулирование. Можно вести речь о кризисе классической модели правовой субъектности, основными проявлениями которого являются: во-первых, непонимание законодателем «состояния антропного поля»; во-вторых – невозможность законодательно предвидеть социальные ожидания и удовлетворять правовые притязания, заложенные в содержании конституционных прав и свобод, и, как следствие, – протестные настроения; в-третьих, попытки политических манипуляций «одним из самых значительных в антрополого-правовом отношении достижений новоевропейской правовой доктрины – концепцией прав и свобод человека» [17].

Традиционный подход к анализу правомерного поведения в конституционных отношениях исходит из его заданности как объективной действительности. Такое поведение характеризуется в основном как инструмент для достижения более значимых целей, например, правореализация основного закона и уставов субъектов Российской Федерации, или как критерий и ориентир при осуществлении конституционных прав и свобод (конституционном правоупотреблении).

Рассмотрение проблем правомерного поведения в конституционном праве в рамках классической парадигмы оставляет ряд вопросов. Подобно тому, как определяются подходы к решению основного вопроса философии права о том, «что есть право?», через решение ряда основных задач или главных вопросов философии права [17], перефразируем эти вопросы и задачи применительно к познанию конституционно-правомерного поведения следующим образом:

1) каковы основания и критерии отнесения правового поведения к конституционно-правомерному или «справедливому» [24] поведению? (данный вопрос образует нормативную задачу, в рамках которой позитивистские начала Конституции соотносятся с моралью);

2) в чем нормативная (обязывающая) си-

ла Конституции, или вопрос о том, почему тот или иной индивид должен подчиняться нормам основного закона? (здесь возникает легитимационная задача, в рамках которой решается вопрос о соотношении с властью);

3) какова природа и в чем состоят функции позитивных конституционных установлений (аналитическая задача, в рамках которой выясняется характер правовых норм)?

Неклассические подходы к познанию конституционно-правомерного поведения.

Неклассические подходы к пониманию права известны своим интегративизмом, в рамках которого допускается рассмотрение права и производного от него правового поведения [22] через сочетание разнокачественных явлений: правовой идеи (естественное право), нормы или закона (позитивизм) и факта (социологизм). Содержательное свойство права проявляется в поддержании и соблюдении его норм обществом. Правовое поведение, формирование и наличие ожиданий субъектов правовых отношений в отношении действий стороны, предписывающей такие нормы, являются индикаторами легитимированности и устойчивости соответствующих правил. При этом указанные процессы зависят не только и не столько от их официальной фиксации (формализованности), скорее, они являются прямым следствием степени укорененности в общественном и индивидуальном сознании, доверии и диалогичности отношений человека и власти. Использование отдельных направлений неклассической парадигмы (интегративного типа правопонимания, юридической антропологии, феноменологической концепции права, юридической герменевтики) и применение их в качестве методологической основы для исследования конституционно-правомерного поведения позволяют раскрыть глубоко и всесторонне его значимые аспекты.

Основополагающей идеологией российской Конституции является идеология общечеловеческих ценностей и согласования интересов, которая пришла на смену идеологии господствующего класса. Такая идеология открывает простор для многообразия научных школ и плюрализма идей [28]. Интегративный подход позволяет рассматривать современное конституционное право одновременно как систему юридических норм, объективную реальность, сложное социальное явление, форму

выражения сознательной воли человеческих ценностей, а также нравственных принципов, продукт исторического развития, комплекс внутренних волевых актов и актов подчинения внешнему правопорядку, актов свободы и актов принуждения [9].

Согласно интеграционной (синтетической) теории имеет место многофакторный характер влияния на возникновение и развитие конституционных норм, принципов и институтов, где конституционализм предстает как сложное социальное явление, многочисленными нитями связанное с историей, идеологией правовой системой и правовыми традициями страны. При помощи такого методологического подхода российский конституционализм, как интегрированный конституционализм, соединяет в себе универсальные и уникальные конституционные нормы, принципы и институты [12, с. 17].

Исходя из предложенных И. А. Кравцом теоретико-методологических уровней исследования эволюции и современного состояния российского конституционализма, конституционно-правомерное поведение есть составной элемент всех гносеологических основ такового. Так, на первом уровне – уровне формирования понятий и категорий российского конституционализма, где происходит интеграция философских, правовых, политических идей и постулатов, а подчас и рецепция западно-европейского и американского конституционного опыта, конституционно-правомерное поведение выполняет «служебную» роль и соотносится с иными конституционно-правовыми понятиями. На втором уровне – уровне установления каузальных взаимосвязей между развитием конституционных идей и их закреплением в позитивном праве, в процессе приобретения нормативного характера политико-правовые идеи конституционализируются и юридизируются. На данном уровне конституционное правовое поведение обретает свое главное свойство – правомерность, так как конституционные идеи характеризуют право конституции в его универсальности и с точки зрения его ценностного строя.

В качестве еще одного уровня интеграции права в нормативное поведение конституционного характера может рассматриваться судебная практика, через которую, по мнению В. В. Лазарева, наиболее рельефно просмат-

риваются разные подходы к праву. Как известно, суверенное главенство судебных решений в правопорядке и демонстрация их интегративной сущности наиболее ярко проявляются в правовых системах англо-саксонской правовой семьи, хотя было бы ошибочно преуменьшать эту сущность в системах других семей. Не является исключением и российский правопорядок. Далее ученый пишет, что несмотря на предназначение права в объективном смысле определять правомерное поведение, правомерность, равно как и противоправность, все же обнаруживается через конфликты участников общественных отношений. Место и роль судебных решений – это отражение роли права в предупреждении и решении конфликтных ситуаций. «Более того, если самая важная фундаментальная функция правосудия – не правоприменительная, а правозащитная, если защиту прав участников общественных отношений не ограничивать обеспечением буквально выраженных законодательных запретов, мы увидим необходимость, в частности, судебного контроля и над изданными государством нормативными актами, и над действиями (бездействием) должностных лиц. В судебных решениях воплощается и то, что называют правом легисты, и то, что считают правом психологи, не говоря уже о естественном праве, которое чаще всего отождествляют с воплощением справедливости» [14].

Постнеклассическая научная рациональность и ее применение для исследования конституционно-правомерного поведения.

В контексте постнеклассической научной рациональности основное внимание направлено на сложные самоорганизующиеся системы, причинность не сводится к жесткому детерминизму, а допускает линии вероятности, имеет место идея о возможности множественных описаний и объяснений одних и тех же объектов, в том числе в зависимости от того, какие именно методы используются. Субъективированный объект (общество и человек в его социальной ипостаси) находятся в сфере внимания неклассической рациональности. Затрагивается не только сущее, но и должное, выстраиваемое с позиции определенного социального идеала. Сфокусировав внимание на проблеме – «средства задают объект» [15], отечественная школа вносит значительный вклад в развитие методологических основ неклассической науки. Схожими западными

подходами, которые перешли от рассмотрения «наблюдаемых систем» к рассмотрению «наблюдающих систем» [34], можно считать общую теорию систем [3] и кибернетику второго порядка. Эти исследования заложили фундамент для перехода от парадигмы «субъект – объект» к парадигме «субъект – субъект». Постнеклассическая рациональность синтезирует классический принцип объективированного субъекта и неклассический принцип взаимопроникновения, взаимообусловленности, взаимозависимости субъекта (человека) и «человекомерной системы» [29, с. 86].

В определенной степени указанные проблемы призвана разрешить более поздняя диалогическая теория, концепт «диалога государства и гражданского общества», который представлен разрабатываемой теорией политического диалога, а также связан с появлением и институционализацией ряда новых практик интеракции общества и власти: социальное партнерство, согласование интересов, общественный (гражданский) контроль, обращения граждан, общественные слушания.

Принципы диалогического направления необходимо рассматривать через конституционные формулы национального согласия в обществе, основанные на взаимных интересах государства, бизнеса и остальных граждан. Для граждан – это обеспечение суверенитета государства и контроль за стратегически важными ресурсами страны; для бизнеса – законодательно установленная стратегия экономического развития, конкурентоспособная экономика; для широких слоев населения – это прежде всего достойная жизнь, доступность здравоохранения, образования и других сфер, законодательно установленные, понятные народу механизмы для обеспечения этих интересов [25]. Таким образом, с позиции постнеклассической рациональности правомерное поведение в конституционных отношениях может рассматриваться как процесс и результат взаимодействия, согласования человека, общества и государства.

Юридическая антропология и ее применение в исследовании конституционно-правомерного поведения.

Обращение к юридической антропологии в связи с исследованием конституционно-правомерного поведения обусловлено той глубокой взаимосвязью, которая существует

между антропологией и представлениями о поведении человека. Юридическая антропология – это наука о процессах юридизации человека, изучающая правовое бытие человека на всех стадиях развития этого бытия, от архаических до современных [8, с. 23].

Юридическая антропология допускает расширение предметной области исследования за счет включения в нее не только правил правового поведения, закрепленных посредством системы государственных обязательных принципов и норм, но и других граней правовой действительности – теневого права и неформальных институтов. Такой подход позволяет максимально четко оценивать отношение к проявлению правового в поведении индивидов, например, в жизнедеятельности гражданского общества, саморегулировании с использованием социальных норм, альтернативном решении вопросов местного значения. При этом теневого права не всегда связано с обесцениванием формального права и его институтов. Оно способно порождать социально полезные и формировать новые правовые регуляторы. Кроме того, антропологический подход к интерпретации правовых явлений и их источников позволил объяснить факт и феномен существования нескольких правовых систем и совмещение нескольких правопорядков в рамках одного национально-государственного пространства, каждый из которых имеет свой источник легитимности. Юридическая антропология обратила внимание на скрытые архаичные элементы современного права, такие как правовые мифы и правовые символы. Например, к правовым мифам относятся конституционные мифы и конституционные иллюзии [2]. Как отмечает И. Н. Барциц, лексические конструкции «конституционный миф» и «конституционные иллюзии» не несут негативного контекста, не сводятся к декларативности и фиктивности феноменов, ставших подобными мифами и иллюзиями. При помощи мифов, как и во все времена и во всех культурах, символично описывается объем знаний, превышающих возможности общедоступного рационального усвоения. В частности о том, что принцип разделения властей является конституционным мифом, писали О. Худ Филлипс и ряд других авторов. Разумеется, речь идет не об опровержении принципа разделения властей,

а о некоторой необоснованности его чрезмерной идеализации, представления в качестве чуть ли не идеального и не единственно разумного принципа рациональной организации власти. Общественные, политические и правовые мифы играли различные роли на протяжении истории, оказывая заметное влияние на поведение человека и человеческих масс. Основной эффект, который оказывают верования и мифы, – это изменение сознания людей и создание общих форм мышления.

Конституционные мифы, с одной стороны, выступают разновидностью социальных регуляторов, воздействуя на правовое поведение через сознание и мышление, с другой – антиподом реального поведения людей. А. Марсиано пишет: «...наиболее устойчивым и активно тиражируемым мифом, распространенным среди юристов и политологов, выступает утверждение о том, что конституция представляет собой общественный договор» [32]. Мнения о том, что эта идея является фикцией, придерживается Рэндалл Дж. Холкомб, который отмечает: «...основой деятельности органов публичной власти государства в реальности все-таки является принуждение, но никак не договор. Конституционный же договор, рассматриваемый в гипотетическом смысле общественного договора, является фикцией, поскольку в действительности подразумевает легитимность принуждения, реализуемого публичной властью, такой гипотетический подход не основан на реальном поведении и не в ладах с реальностью деятельности правительства» [35].

Познание конституционно-правомерного поведения связано с тем, что А. И. Ковлер обозначил как ключевую методологическую проблему юридической антропологии, да и всего современного правоведения в целом: что брать за первооснову правового бытия человека – норму или процесс? Изучая и совершенствуя нормы права, не следует забывать о том, что анализ правового поведения есть по сути анализ процесса применения и реализации правовых норм, включая нормы Конституции. В русле антропологической научной программы за опорный элемент правового анализа взят человек в праве, а ее суть в общем и целом сводится к «человеческому измерению» политико-правовых явлений [26],

что обозначает задачу антропологизации конституционно-правовой науки и сверхзадачу – антропологизацию конституционно-правовой практики.

Феноменологическая концепция в методологии познания конституционно-правомерного поведения.

Правомерное поведение как структурный компонент характеристики активности субъектов в конституционно-правовой сфере является правовым феноменом, но при этом оно само выступает элементом феноменологической структуры целого ряда правовых явлений, порождаемых правовыми свойствами конституции государства как основного закона страны: конституционно-правовой реальности, конституционно-правовой системы и др.

Исследователи современного состояния правовой реальности России, используя феноменологический подход, отмечают присущий ей трансгрессивный характер и предлагают различать следующие ее уровни: правотворчество, правореализацию и правовое поведение. Каждый из обозначенных сегментов в той или иной мере зависим от субъективных факторов и интерпретации субъектов. Особенностью такого подхода является восприятие правового поведения не по критерию нахождения в русле правового регулирования (правомерное и противоправное), а как соответствующего ментальным представлениям населения о справедливости, но, возможно, противоправного с точки зрения позитивного права. А. В. Скоробогатов и А. В. Краснов пишут: «...для индивида совершенно не важно, насколько эти «правильные действия» соответствуют или противоречат «плохому» законодательству» [22, с. 83]. Указанные авторы констатируют смещение понимания «правомерное» в восприятии обывателей в сторону юридического конфликта как результата широкого распространения в обществе негативного отношения к закону, образования целого спектра систем неписаных правил правового поведения и их превалирования над правилами, закрепленными в юридических нормах.

В целом разделяя теоретические выводы указанных авторов, позволим не согласиться с тем, что единый критерий «правильности» поведения в виде позитивного права или официальной идеологии на данный момент отсутствует. Конституция России при должном от-

ношении к ее исполнению содержит необходимые позитивные и идеологические установки, которые имеют характер универсальных.

Юридическая герменевтика и ее связь с конституционно-правомерным поведением

Многие вопросы исследования конституционно-правомерного поведения как процесса реализации конституционных прав и свобод связаны с юридической герменевтикой. Конституционная интерпретация (или конституционная герменевтика) является разновидностью юридической герменевтики и объединяет как научную, так и практически-прикладную интерпретацию правовых явлений [11].

Для достижения цели установления соотношения «deledeleta» (оценка с точки зрения действующего права) и «deledeferenda» (оценки с точки зрения того, что желанно или приемлемо) современная юридическая герменевтика включает в свой арсенал такие актуальные методологические процедуры и принципы, как принцип диалогического характера понимания, принцип «лучшего понимания», процедуру герменевтического круга и др. [4, 5]. Поиски смысла, а не истины, претендуют на статус константы герменевтически ориентированного познания права. Основная же проблема состоит в том, насколько найденный смысл соответствует мета-конституционным смыслам. Нередко ангажирование политическими или идеологическими интересами накладывается на несовершенство юридического текста, что создает благоприятные условия для манипулирования смыслами.

В России единственным легитимным субъектом, наделенным полномочиями на осуществление конституционно-правовой герменевтической деятельности, является Конституционный Суд Российской Федерации. По мнению В. И. Крусса, текст отечественной Конституции и конституционное правопонимание представляют своего рода конституционно-герменевтический круг, который очерчивает границы возможной и актуальной коммуникации, интерактивного сотрудничества институтов публичной власти, гражданского общества, каждой отдельной личности [13].

С. Л. Сергеев пишет: «Итог такой деятельности имеет явно выраженное нормативное содержание – идет ли речь об интерпретации отраслевого законодательства, которое

получает при этом свою конституционно-правовую квалификацию (выявление конституционно-правового смысла соответствующего нормативного положения), либо происходит официальное легальное толкование конституционного текста, осуществляемое Конституционным Судом РФ в порядке реализации одного из его титульных полномочий, закрепленных ч. 5 ст. 125 Конституции Российской Федерации. В герменевтической практике Конституционного Суда Российской Федерации применяется как казуальное, так и нормативное толкование: при первом норма интерпретируется применительно к конкретному случаю, второе предполагает официальное разъяснение нормы в целом, безотносительно к обстоятельствам ее реализации» [20]. Особенности конституционно-правовой герменевтической деятельности являются: 1) целевой характер; 2) конституционно-судебная интерпретация должна быть некоторой комбинацией конституционных ценностей. При этом следует отметить, что Конституция России не содержит положений, прямо предписывающих одну интерпретационную методологию, применяемую во всех случаях [31].

Конституционно-правовая герменевтическая деятельность имеет определяющее значение для квалификации правового поведения как конституционно допустимого (правомерного) либо не конституционного (неправомерного). «Правомерное» и «неправомерное» – понятия регулятивные (относительные, конвенциональные). Они суть социальные конструкции лишь отчасти.

Подводя итог исследованию проблем методологии анализа конституционно-правомерного поведения, сформулируем следующие выводы.

1. Методология исследования конституционно-правомерного поведения основывается на методологии юридической науки как сложного гетерогенного образования, представляющего систему альтернативных объяснительных схем: герменевтика – натурализм; аксиология – прагматизм; феноменология – позитивизм (неопозитивизм, постпозитивизм); структурализм (постструктурализм) – структурный функционализм, эволюционизм (формационный подход) – культурно-исторический (цивилизационный) подход; теория самоорганизации (синергетика) [27].

Выбор того или иного метода будет зависеть от фокуса внимания на «форме бытия» конституционно-правового поведения.

2. Считаем возможным подчеркнуть принадлежность исследования конституционно-правомерного поведения к онтологической проблематике и выделить два смысла данного понятия. В широком смысле, конституционное поведение предстает как обобщенная характеристика, идеализированный вариант, присутствующий во всей совокупности правовых феноменов: наличных правоотношениях, правовых нормах, институтах и политико-правовых концепциях (в частности конституционализме), а также явлений правового менталитета. В узком смысле, к конституционно-правомерному поведению относятся только некие базисные правовые формы участия в конституционных правоотношениях или внеконституционных практиках.

3. Конституционно-правомерное поведение непосредственно связано с организацией и функционированием публичной власти (государственной, общественной, политической), поэтому данный вид правового поведения характеризует как субъектов, обладающих властными полномочиями, так и субъектов, не обладающих таковыми. В связи с этим можно выделить несколько право-поведенческих моделей проявления политико-властных отношений, которые находятся как в зоне действия конкретных конституционно-правовых норм, так и в зоне абстрактных (общих) регулятивных норм, а также вне зоны правового регулирования. Подобное свойство присуще и такому явлению, как усмотрение, являющемуся эманацией власти, ее органическим свойством [27, с. 8]. Кроме того, конституционно-правомерное поведение может рассматриваться как инструмент познания (анализа и синтеза) всей плоскости конституционного поля: начиная от процесса волеизъявления народа и процесса конституционного правообразования, заканчивая процессом реализации конституционно-правовых норм и практикой их применения. В этом качестве конституционно-правомерное поведение предстает как отражение бытия Конституции и по сути является фактической Конституцией.

Конституционно-правомерное поведение, таким образом, представляется как часть многоуровневой системы конституционно-правовых феноменов власти и свободы, субъек-

активный элемент автономной метасоциальной реальности, факт человеческой интерпретации и институционализации конституционных норм, ценностей, правил, фактическое воплощение смыслового выражения взаимного долженствования во взаимодействии субъектов [16, с. 34]. Предложенная трактовка, в которой конституционное поведение представлено отражением взаимного долженствования во взаимодействии субъектов, позволяет использовать в конституционно-правовых исследованиях достижения юридической феноменологии и коммуникативной концепции права, получившей развитие изначально в западной науке [32], но на данный момент разрабатываемой и в отечественной юриспруденции [17].

Литература

1. Архипов, С. И. Субъект права: теоретическое исследование / С. И. Архипов. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 469 с.
2. Барциц, И. Н. Конституционные мифы и конституционные иллюзии / И. Н. Барциц // Государственная служба. – 2013. – №. 6. – С. 8–13.
3. Берталанфи, фон Л. История и статус общей теории систем / фон Л. Берталанфи // Системные исследования. – 1973. – С. 23–24.
4. Гадамер, Х. Г. Истина и метод. Основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер. – М., 1988. – 704 с.
5. Дильтей, В. Введение в науку о духе. Опыт полагания основ для изучения общества и истории / В. Дильтей. – М., 2000. – Т. 1. – 706 с.
6. Киреев, В. В. О теории риска в российской науке конституционного права / В. В. Киреев // Проблемы права. – 2012. – №. 7. – С. 11–16.
7. Клишас, А. А. Конституция 1993 года как план будущего для России / А. А. Клишас, С. М. Шахрай // Вестник Российской академии наук. – 2008. – Т. 78. – № 12. – С. 1059–1064.
8. Ковлер, А. И. Антропология права: учебник / А. И. Ковлер. – М., 2002. – 480 с.
9. Конституционное право: университетский курс: учебник: в 2 т. / С. В. Арбузов, Т. В. Бережная, И. А. Володько и др. – М.: Проспект, 2015. – Т. 1. – 432 с.
10. Кравец, И. А. Конституционная телеология и основы конституционного строя: научно-практическое издание / И. А. Кравец. – М., 2016. – 200 с.
11. Кравец, И. А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики) / И. А. Кравец. – М.-Новосибирск, 2002. – 360 с.
12. Кравец, И. А. Принципы российского конституционализма и конституционализация правового порядка / И. А. Кравец. – М.: РУСАЙНС, 2017. – 336 с.
13. Лазарев, В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда / В. В. Лазарев // Журнал российского права. – 2017. – № 7. – С. 5–18.
14. Крусс, В. И. Конституционализация национального права и международный порядок / В. И. Крусс. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110862/1/k2014-18.pdf>.
15. Лефевр, В. А. «Естественное» и «искусственное» в семиотических системах / В. А. Лефевр, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин / Проблемы исследования систем и структур: материалы конференции. – СПб.-М.: АН СССР, 1965. – С. 141–149.
16. Максимов, С. И. Правовая реальность как предмет философского осмысления: дис. ... д-ра юрид. наук / С. И. Максимов. – Харьков, 2002. – 327 с.
17. Павлов, В. И. Энергично-правовой дискурс как постклассическая антропология права. К началам деконструкции классической модели юридической ответственности / В. И. Павлов // Правоведение. – 2012. – № 2. – С. 14–39.
18. Поляков, А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук. / А. В. Поляков. – СПб.: СПбГУ, 2002. – 94 с.
19. Салыгин, Е. Н. Моделирование в праве: проблемы и перспективы / Е. Н. Салыгина // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2013. – № 3. – С. 12–35.
20. Сергевнин, С. Л. О некоторых аспектах герменевтической деятельности Конституционного Суда Российской Федерации / С. Л. Сергевнин // Конституционное и муниципальное право. – 2014. – № 1. – С. 50–56.
21. Степин, В. С. Философия и методология науки / В. С. Степин. – М., 2015. – 716 с.
22. Скоробогатов, А. В. Правовое поведение как феномен правовой реальности / А. В. Скоробогатов, А. В. Краснов // Правовая культура. – 2017. – № 1. – С. 25–35.

23. Троицкая, А. А. Философские основания методологии науки конституционного права / А. А. Троицкая // Конституционное и муниципальное право. – 2017. – № 12. – С. 3–10.

24. Фридрих, Август фон Хайек. О справедливости, как свойстве человеческого поведения, а также «правила справедливого поведения» / Август фон Хайек Фридрих. – М., 2006. – 644 с.

25. Хабриева, Т. Я. Теория современного основного закона и российская Конституция / Т. Я. Хабриева // Журнал российского права. – 2008. – № 12 (144). – С. 15–23.

26. Честнов, И. Л. История политических и правовых учений: теоретико-методологическое введение / И. Л. Честнов. – СПб., 2009. – 279 с.

27. Шарнина, Л. А. Категория усмотрения в конституционном праве / Л. А. Шарнина. – М., 2017. – 240 с.

28. Шафилов, В. М. Интегративное правописание и жесткий позитивизм / В. М. Шафилов // Журнал российского права.

– 2017. – № 7 (247). – С. 24–33.

29. Яркова, Е. Н. История и методология юридической науки / Е. Н. Яркова. – Тюмень, 2012. – 463 с.

30. Berlin, I. (2001) *Filosofiyasvobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoeliteraturnoeobozrenie.

31. Dorf M. C. Create Your Own Constitutional Theory // *California Law Review*. – 1999. – pp. 593–612.

32. Marciano A. Introduction: Constitutional Myths // *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State* / Ed. By A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

33. Van Hoecke M. *Law as Communication*. – Oxford – Portland Oregon, 2002.

34. Heinz von Foerster (1974), *Cybernetics of Cybernetics*, Urbana Illinois: University of Illinois.

35. Holcombe R. G. Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract // *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State* / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

Титова Елена Викторовна – кандидат юридических наук, директор Юридического института, заведующий кафедрой теории государства и права, конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск. E-mail: titova_elena@bk.ru.

Статья поступила в редакцию 30 октября 2019 г.

DOI: 10.14529/law190417

SEARCHING FOR A METHODOLOGY FOR STUDYING CONSTITUTIONAL LAW BEHAVIOR

E. V. Titova

South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

By the norms of constitutional law, many socially and politically significant processes are settled with understandable detail and procedural accuracy. However, due to socio-political characteristics, the streamlining of public relations, during which constitutional-legal behavior is manifested, is either of a general regulatory nature or the nature of “constitutional-legal conditions”. This implies the non-obviousness of the qualification of legal acts of subjects of constitutional relations as legitimate or not legitimate. In this regard, the problem of the methodological construction of theoretical constructions of lawful behavior in constitutional law is urgent. The role of this type of legal behavior in the implementation of the norms of the Constitution of Russia is significant, since it is justified behavior that acts in this case as a substantial characteristic of the actual Constitution of the country.

The article proposes a methodological basis on which the study of constitutional behavior is based, including general scientific and private scientific methods of cognition, integration of the methodology of social and human sciences. Integrative methodology allows to consider constitutionally lawful behavior as an element of complex, changing and developing systems – society and the state.

These systems combine time-varying, not just different, and sometimes opposite in content and focus of interests, goals, material resources, levels of development of legal consciousness, human communities. Of particular relevance is the study of methodological issues from the perspective of constitutional law, since this is due to both the features of the subject of constitutional legal regulation and the methodological function of the constitutional legal norms themselves.

Keywords: *methodology of constitutional and legal research, lawful behavior, constitutional and legal regulation, constitutional teleology, Russian constitutionalism, natural law, positivism, legal anthropology, legal hermeneutics, legal phenomenology.*

References

1. Arkhipov S. I. *Sub'yekt prava: teoreticheskoye issledovaniye* [Subject of law: theoretical research]. St. Petersburg, 2004, 469 p.
2. Bartsits I. N. [Constitutional myths and constitutional illusions]. *Gosudarstvennaya sluzhba [State service]*, 2013, no. 6, pp. 8–13. (in Russ.)
3. Bertalanfi von L. [History and status of the General theory of systems]. *Sistemnyye issledovaniya [System studies]*, 1973, pp. 23–24. (in Russ.)
4. Gadamer KH. G. *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germeneytiki* [Truth and method. Fundamentals of philosophical hermeneutics]. Moscow, 1988, 704 p.
5. Dil'tey V. *Vvedeniye v nauku o dukhe. Opyt polaganiya osnov dlya izucheniya obshchestva i istorii* [Introduction to the science of the spirit. The experience of laying the foundations for the study of society and history]. Moscow, 2000, Vol. 1, 706 p.
6. Kireyev V. V. [On the theory of risk in the Russian science of constitutional law]. *Problemy prava [Problems of law]*. 2012, no. 7, pp. 11–16. (in Russ.)
7. Klishas A. A., Shakhray S. M. [The Constitution of 1993 as a plan of the future for Russia]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Bulletin of the Russian Academy of Sciences]*, 2008, Vol. 78, no. 12, pp. 1059–1064. (in Russ.)
8. Kovler A. I. *Antropologiya prava* [Anthropology of law]. Moscow, 2002, 480 p.
9. Arbutov S. V., Berezhnaya T. V., Volod'ko I. A. *Konstitutsionnoye pravo: universitetskiy kurs* [Constitutional law: university course]. Moscow, 2015, Vol. 1, 432 p.
10. Kravets I. A. *Konstitutsionnaya teleologiya i osnovy konstitutsionnogo stroya. Nauchno-prakticheskoye izdaniye* [Constitutional teleology and foundations of the constitutional system. Scientific and practical edition]. 2016, 200 p.
11. Kravets I. A. *Formirovaniye rossiyskogo konstitutsionalizma (problemy teorii i praktiki)* [Formation of Russian constitutionalism (problems of theory and practice)]. Moscow, Novosibirsk, 2002, 360 p.
12. Kravets I. A. *Printsiipy rossiyskogo konstitutsionalizma i konstitutsionalizatsiya pravovogo poryadka* [Principles of Russian constitutionalism and constitutionalization of the legal order]. Moscow, 2017, 336 p.
13. Lazarev V. V. [Integration of law and implementation of integrative approaches to law in court decision]. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian law]*, 2017, no. 7, pp. 5–18. (in Russ.)
14. Kruss V. I. *Konstitutsionalizatsiya natsional'nogo prava i mezhduna-rodnyy poryadok* [Constitutionalization of national law and international order]. Available at: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110862/1/k2014-18.pdf>.
15. Lefevr V. A., Shchedrovitskiy G. P., Yudin E. G. «Estestvennoye» i «iskusstvennoye» v semioticheskikh sis-temakh ["Natural" and "artificial" in semiotic systems]. *Problemy issledovaniya sistem i struktur. Materialy konferentsii [Problems of systems and structures research. Conference proceedings]*. St. Petersburg, Moscow, 1965, pp. 141–149. (in Russ.)
16. Maksimov S. I. *Pravovaya real'nost' kak predmet filosofskogo osmysleniya: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal reality as a subject of philosophical reflection. Diss. D-ra (Law)]. KHar'kov, 2002, 327 p.
17. Pavlov V. I. [Energy-legal discourse as a postclassical anthropology of law. To the beginnings of deconstruction of the classical model of legal responsibility]. *Pravovedeniye [Pravovedenie]*, 2012, no. 2, pp. 14–39. (in Russ.)

18. Polyakov A. V. *Kommunikativnaya kontsepsiya prava (genезis i teoretiko-pravovoye obosnovaniye): dis. ... d-ra yurid. nauk* [Communicative concept of law (Genesis and theoretical and legal justification). Diss. D-ra (Law)]. St. Petersburg, 2002, 94 p.
19. Salygin E. N. [Modelling in law: challenges and perspectives]. *Pravo. ZHurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher school of Economics], 2013, no. 3, pp. 12–35. (in Russ.)
20. Sergevnin S. L. [On some aspects of hermeneutic activity of the constitutional Court of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2014, no. 1, pp. 50–56. (in Russ.)
21. Stepin V. S. *Filosofiya i metodologiya nauki* [Philosophy and methodology of science]. Moscow, 2015, 716 p.
22. Skorobogatov A. V., Krasnov A. V. [Legal behavior as a phenomenon of legal reality]. *Pravovaya kul'tura* [Legal culture], 2017, no. 1, pp. 25–35. (in Russ.)
23. Troitskaya A. A. [Philosophical bases of methodology of science of constitutional law]. *Konstitutsionnoye i munitsipal'noye pravo* [Constitutional and municipal law], 2017, no. 12, pp. 3–10. (in Russ.)
24. Fridrikh Avgust fon KHayYEK. *O spravedlivosti, kak svoystve chelovecheskogo povedeniya, a takzhe «pravila spravedlivogo povedeniya»* [About justice as property of human behavior, and also “rules of fair behavior”]. Moscow, 2006, 644 p.
25. KHabriyeva T. YA. [Theory of the modern basic law and the Russian Constitution]. *ZHurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2008, no. 12 (144), pp. 15–23. (in Russ.)
26. CHestnov I. L. *Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheniy: teoretiko-metodologicheskoye vvedeniye* [History of political and legal doctrines: theoretical and methodological introduction]. St. Petersburg, 2009, 279 p.
27. SHarnina L. A. *Kategoriya usmotreniya v konstitutsionnom prave* [Category of discretion in constitutional law]. Moscow, 2017, 240 p.
28. SHafirov V. M. [Integrative law understanding and rigid positivism]. *ZHurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian law], 2017, no. 7 (247), pp. 24–33. (in Russ.)
29. YArkova E. N. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and methodology of legal science]. Tyumen', 2012, 463 p.
30. Berlin, I. (2001) *Filosofiyasvobody. Evropa* [Philosophy of Freedom. Europe]. Moscow: Novoeliteraturnoeobozrenie.
31. Dorf M. C. *Create Your Own Constitutional Theory* // *California Law Review*. – 1999. – pp. 593–612.
32. Marciano A. *Introduction: Constitutional Myths* // *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State* / Ed. By A. Marciano. New York: Springer, 2011.
33. Van Hoecke M. *Law as Communication*. Oxford – Portland Oregon, 2002.
34. Heinz von Foerster (1974), *Cybernetics of Cybernetics*, Urbana Illinois: University of Illinois.
35. Holcombe R. G. *Consent or Coercion? A Critical Analysis of the Constitutional Contract* // *Constitutional Mythologies: New Perspectives on Controlling the State* / Ed. by A. Marciano. – New York: Springer, 2011.

Elena Viktorovna Titova – Candidate of Sciences (Law), Director of the Law Institute, Associate Professor of Theory of State and Law Department, of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation. E-mail: titova_elena@bk.ru.

Received 30 October 2019.

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Титова, Е. В. В поисках методологии исследования конституционного правомерного поведения / Е. В. Титова // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 4. – С. 91–102. DOI: 10.14529/law190417.

FOR CITATION

Titova E. V. Searching for a methodology for studying constitutional law behavior. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Law*, 2019, vol. 19, no. 4, pp. 91–102. (in Russ.) DOI: 10.14529/law190417.